

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ, гражданин
и секретарь флорентийский,
ЛОРЕНЦО, сыну ФИЛИППО СТРОЦЦИ,
флорентийскому дворянину

Многие, Лоренцо, держались и держатся того взгляда, что нет в мире вещей, друг с другом менее связанных и более друг другу чуждых, чем гражданская и военная жизнь. Поэтому мы часто замечаем, что, когда человек задумает выделиться на военном поприще, он не только сейчас же меняет платье, но всем своим поведением, привычками, голосом и осанкой отличается от всякого обыкновенного гражданина. Тот, кто хочет быть скор и всегда готов на любое насилие, считает невозможным носить гражданскую одежду. Гражданские нравы и привычки не подходят для того, кто считает первые чересчур мягкими, а вторые — негодными для своих целей. Обычные облик и речь кажутся неуместными тому, кто хочет пугать других бородой и бранными словами. Поэтому для наших времен мнение, о котором я говорил выше, — это сама истина.

Однако если посмотреть на установления древности, то не найдется ничего более единого, более слитного, более содружественного, чем жизнь гражданина и воина. Всем сословиям, существующим в государстве ради общего блага людей, не были бы нужны все учреждения, созданные для того, чтобы люди жили в страхе перед законами и Богом, если бы при этом не подготавливалась для их за-

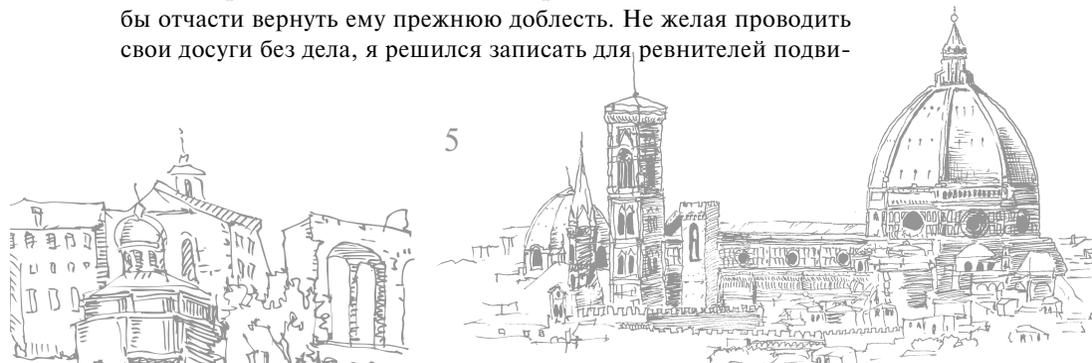

щиты сила, которая, будучи хорошо устроенной, спасает даже такие учреждения, которые сами по себе негодны.

Наоборот, учреждения хорошие, но лишённые вооружённой поддержки, распадаются совершенно так же, как разрушаются постройки роскошного королевского дворца, украшенные драгоценностями и золотом, но ничем не защищённые от дождя. И если в гражданских учреждениях древних республик и царств делалось все возможное, чтобы поддерживать в людях верность, миролюбие и страх Божий, то в войске усилия эти удваивались, ибо от кого же может отечество требовать верности, как не от человека, поклявшегося за него умереть? Кто должен больше любить мир, как не тот, кто может пострадать от войны? В ком должен быть жив страх Божий, как не в том, кто ежедневно подвергается бесчисленным опасностям и всего более нуждается в помощи Всевышнего?

Благодаря этой необходимости, которую хорошо понимали законодатели империй и полководцы, жизнь солдата прославлялась другими гражданами, которые всячески старались ей следовать и подражать. Теперь же, когда военные установления в корне извращены и давно оторваны от древних устоев, сложились те зловещие мнения, которые приводят к тому, что военное сословие ненавидят и всячески его чуждаются. Я же, вследствие всего мною виденного и прочитанного, не считаю невозможным возвратить это сословие к его древним основаниям и хотя бы отчасти вернуть ему прежнюю доблесть. Не желая проводить свои досуги без дела, я решился записать для ревнителей подви-

О И
| С
В К
| У
О С
Е С
Н С
Н Т
О В
М Е

гов древности свои мысли о военном искусстве. Конечно, рассуждать о предмете, не известном тебе по опыту, — дело смелое, но я все же не считаю грехом возвести себя на словах в достоинство, которое многие с еще большей самонадеянностью присваивали себе в жизни. Мои ошибки, сделанные при написании этой книги, могут быть исправлены без ущерба для кого бы то ни было, но ошибки людей, совершенные на деле, познаются только тогда, когда приведут к гибели царства.

Вы же, Лоренцо, оцените теперь мои труды и воздайте им в своем приговоре ту похвалу или то осуждение, которого они, по Вашему мнению, заслуживают. Посылаю их Вам, дабы выразить Вам свою благодарность, хотя все, что я могу сделать, далеко не соответствует благодарениям, которые Вы мне оказали. Подобными произведениями обычно стремятся почтить людей, прославленных родом, богатством, умом и щедростью, но я знаю, что мало кто может спорить с Вами богатством и родом, умом Вам равны лишь немногие, а щедростью — никто.

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ,
гражданин и секретарь флорентийский,
читателю

Дабы читатели могли легко понимать боевой строй, расположение войск и лагерей, о чем здесь пойдет речь, считаю необходимым показать их наглядно. Поэтому надлежит сперва указать знаки, ко-

торыми будут изображены пехота, конница или иные отдельные части войск.

Имейте поэтому в виду, что следующие буквы означают:

- о — пехотинцы со щитами
- п — пехотинцы с пиками
- х — декурионы (начальники десятков)
- v — велиты действующие (застрельщики)
- и — велиты запасные
- С — центурионы (начальники сотен)
- Т — командир батальона
- О — командир бригады
- А — главнокомандующий
- S — музыка
- Z — знамя
- г — тяжелая конница
- е — легкая конница
- Θ — артиллерия

О	И
	С
В	К
О	У
Е	С
Н	С
Н	Т
О	В
М	Е

7

КНИГА

ПЕРВАЯ

Я считаю, что каждого человека после смерти можно хвалить без стеснения, ибо тогда отпадает всякий повод и всякое подозрение в искательстве; поэтому я не колеблясь воздам хвалу нашему Козимо Ручеллаи, имени которого я никогда не мог вспомнить без слез, ибо познал в нем все качества, какие друг может требовать от друзей, а отечество — от гражданина.

Не знаю, дорожил ли он чем-либо настолько (не исключая и самой жизни), чтобы охотно не отдать этого для своих друзей; не знаю того предприятия, которого бы он устранился, если видел в нем благо для отечества. Заявляю открыто, что среди многих людей, с которыми я был знаком и общался по делам, я не встречал человека, душа которого была бы более открыта всему великому и прекрасному.

В последние минуты он скорбел с друзьями о том, что ему суждено было умереть в постели молодым и неизвестным и что не исполнилось его желание принести всем настоящую пользу; он знал, что о нем можно будет сказать только одно — умер верный друг. Однако, хотя дела его остались несвершенными, мы и другие, знавшие его хорошо, можем все свидетельствовать о высоких его качествах.

Действительно, судьба не была к нему настолько враждебной и не помешала ему оставить после себя некоторые хрупкие памятники его блестящего ума: таковы немногие его произведения и любовные стихи, в которых он, хотя и не был влюблен, упражнялся в молодые годы, чтобы не тратить времени напрасно в ожидании, пока судьба направит его дух к мыслям более возвышенным. Стихи эти ясно показывают, как счастливо выражал он свои мысли и ка-

ких вершин он мог бы достигнуть в поэзии, если бы всецело себя ей посвятил.

Теперь, когда судьба отняла у меня такого друга, мне осталось, как кажется, единственное утешение — радостно о нем вспоминать и повторять его меткие слова или глубокомысленные рассуждения. Самое живое воспоминание — это беседа его у себя в саду с синьором Фабрицио Колонна, во время которой названный синьор подробно говорил о войне, большей частью отвечая на острые и продуманные вопросы Козимо.

Я с несколькими общими друзьями присутствовал при разговоре и решил восстановить его в памяти, дабы при чтении друзья Козимо, участники беседы, живее вспомнили о его талантах, а прочие пожалели о своем отсутствии и вместе с тем научились из глубокомысленных слов одного из замечательных людей нашего времени многому, полезному не только для войны, но и для гражданской жизни.

Фабрицио Колонна, возвращаясь из Ломбардии, где долго и с великой для себя славой сражался за короля-католика, будучи проездом во Флоренции, решил отдохнуть несколько дней в этом городе, чтобы посетить Его Светлость герцога и вновь повидать некоторых дворян, с которыми был знаком раньше.

Козимо счел нужным пригласить его к себе в Сады не столько для того, чтобы блеснуть перед ним роскошью, сколько для того, чтобы воспользоваться возможностью долгой беседы с ним и научиться у него разным вещам, которые можно узнать от такого человека, ибо ему представлялся случай провести день в разговоре о предметах, привлекательных для его ума.

О | И
| | С
В | К
| | У
О | С
Е | С
Н | С
Н | Т
О | В
М | Е

Фабрицио явился на приглашение и был с почетом принят Козимо и его лучшими друзьями, среди которых были Заноби Буондельмонти, Баттиста делла Палла и Луиджи Аламанни — все молодые люди ему близкие, страстно увлеченные теми же занятиями, что и он сам; умалчиваю об их прочих достоинствах, так как они ежедневно и ежечасно говорят сами за себя.

По обычаю времени и места, Фабрицио был встречен с величайшим почетом. Когда после блестящего пира гости встали из-за стола, насладившись прелестями праздника, которым большие люди с их умом, постоянно устремленным на предметы возвышенные, уделяют мало внимания, было еще рано и стояла сильная жара. Чтобы лучше достигнуть своей цели, Козимо, как будто стараясь укрыться от духоты, увел гостей в самую густую и тенистую часть своего сада. Когда все расселись, кто на траве, которая была здесь особенно свежа, кто на скамьях под тенью огромных деревьев, — Фабрицио стал хвалить красоту места и внимательно разглядывал деревья, но некоторые были ему неизвестны, и он затруднялся их назвать. Заметив это, Козимо сказал: «Некоторые из этих деревьев вам, может быть, незнакомы, но не удивляйтесь, так как среди них есть такие, которые больше ценились древними, а теперь мало известны». Затем он назвал деревья по именам и рассказал о том, как много потрудились над разведением этих пород дед его, Бернардо.

«Я так и думал, — отвечал Фабрицио, — это место и труды вашего предка напоминают мне некоторых князей Неаполитанского королевства, которые тоже с любовью разводили эти породы и наслаждались их тенью».

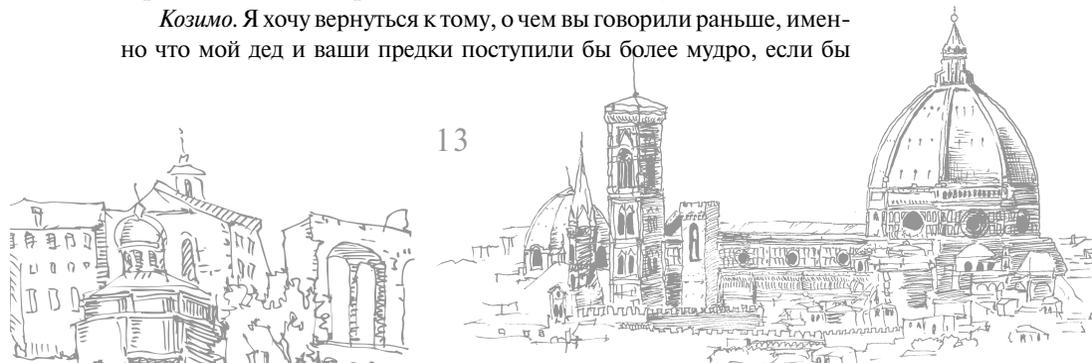
На этом он прервал разговор и некоторое время сидел в раздумье, а затем продолжал: «Если бы я не боялся вас обидеть, я сказал бы свое мнение; не думаю, что могу вас оскорбить, так как говорю с друзьями и хочу рассуждать о вещах, а не злословить. Да не будет это никому в обиду, но лучше бы люди старались сравняться с древними в делах мужества и силы, а не в изнеженности, в том, что древние делали при свете солнца, а не в тени, и воспринимали бы в нравах древности то, что в ней было подлинного и прекрасного, а не ложного и извращенного; ведь, когда сограждане мои, римляне, стали предаваться подобным делам, отечество мое погибло». Козимо ответил на это... Но, чтобы избежать утомительных постоянных повторений слов «такой-то сказал», «такой-то ответил», я буду просто называть имена говорящих. Итак, Козимо сказал...

Козимо. Вы начали беседу, которой я давно хотел, и я прошу вас говорить не стесняясь, как и я без стеснения буду вас спрашивать. Если я в вопросах или ответах буду кого-нибудь защищать или осуждать, это произойдет не для того, чтобы оправдывать или винить, а для того, чтобы услышать от вас правду.

Фабрицио. А я с удовольствием скажу вам все, что знаю, в ответ на ваши вопросы, а будет это верно или нет — судите сами. Вопросы ваши будут мне только приятны, ибо я почерпну из них столько же, сколько вы из моих ответов; мудрый вопрошатель часто заставляет собеседника подумать о многом и открывает ему такие вещи, о которых он без этих вопросов никогда бы ничего не узнал.

Козимо. Я хочу вернуться к тому, о чем вы говорили раньше, именно что мой дед и ваши предки поступили бы более мудро, если бы

О
И
С
В
К
О
У
Е
С
Н
С
Н
Т
О
В
М
Е

подражали древним в делах мужественных, а не в изнеженности. Мне хотелось бы оправдать моего деда, предоставив вам защищать ваших предков. Не думаю, чтобы в его времена нашелся человек, который бы так ненавидел изнеженность, как он, и так любил суровую жизнь, которую вы восхваляете; тем не менее он сознавал, что ни сам он, ни дети его этой жизнью жить не могут, ибо он родился в том развращенном веке, когда человек, не желающий подчиняться общему праву, стал бы для всех и каждого предметом порицания и презрения.

Ведь если бы человек, подобно Диогену, летом под палящим солнцем лежал голым на песке, а зимой в самую стужу валялся на снегу — его сочли бы сумасшедшим.

Если бы в наше время кто-нибудь, подобно спартамцам, воспитывал своих детей в деревне, заставлял бы их спать на воздухе, ходить босыми, с обнаженной головой и купаться в ледяной воде, чтобы приучить их к боли и отучить от чрезмерной любви к жизни и страха смерти, — он был бы смешон и его приняли бы скорее за дикого зверя, чем за человека. Если бы среди нас появился человек, питающийся овощами и презирающий золото, подобно Фабрицио, — его восхваляли бы немногие, но никто не стал бы его последователем.

Так и дед мой испугался нравов, отступил от древних об разцов и подражал им в тех вещах, где он мог это делать, обращая на себя меньше внимания.

Фабрицио. В этой части вы защитили его блестяще, и, конечно, вы правы; однако я говорил не столько об этой суровой жизни, сколько о других порядках, более мягких и более сообразных с привычками

наших дней, и мне кажется, что человеку, принадлежащему к числу первых граждан города, было бы нетрудно их установить. Как всегда, я никак не могу отказаться от примера моих римлян: если взглянуть в их образ жизни и в строй этой республики, мы найдем там много такого, что было бы не невозможно восстановить в гражданском обществе, в котором еще уцелело что-нибудь хорошее.

Козимо. Что же вы хотели бы ввести похожее на древние нравы?

Фабрицио. Почитать и награждать доблесть, не презирать бедность, уважать порядок и строй военной дисциплины, заставить граждан любить друг друга, не образовывать партий, меньше дожить частными выгодами, чем общественной пользой, и многое другое, вполне сочетаемое с духом нашего времени. Все это нетрудно воспринять, если истина здесь так очевидна, что она может быть усвоена самым обыкновенным умом. Всякий, кто это поймет, посадит деревья, под тенью которых можно отдыхать еще с большим счастьем и радостью, чем в этом саду.

Козимо. Я ничего не хочу возражать против ваших слов и предоставляю это тем, у кого может быть собственное суждение о таких вещах; обращаюсь теперь к вам как к обвинителю тех, кто не подражает древним в их великих делах, и думаю, что таким путем я ближе подойду к цели нашей беседы. Мне хотелось бы узнать от вас, почему вы, с одной стороны, мечете громы против тех, кто не подобен древним, и вместе с тем сами в своей же области военного дела, стяжавшей вам столь громкую славу, никогда не обращались

О
И
С
В
К
О
У
Е
С
Н
С
Н
Т
О
В
М
Е

